

Е.Н.ВАКУЛОВА, канд. филол. наук, доцент, *vakulova@mail.ru*
Северо-Западная академия государственной службы, Санкт-Петербург

E.N.VAKULOVA, PhD in philol., associate professor, *vakulova@mail.ru*
North-West Academy of Public Administration, Saint Petersburg

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ И ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Опасной тенденцией развития русского языка на современном этапе является размывание языковой нормы. Ошибка может со временем приобрести статус нормативности, если явление вписывается в языковую систему, не противоречит ей. Неочевидные, трудно фиксируемые микронарушения на различных языковых уровнях, а также в сфере заимствования (расширение и сужение значения) незначительно искажают норму и не сразу распознаются в качестве ошибок.

Ключевые слова: языковая норма, размывание языковой нормы, ошибка, заимствование, ложные друзья переводчика, расширение и сужение значения.

LANGUAGE ERRORS AND DYNAMICS OF LANGUAGE NORMS

The gradual erosion of standards in the modern Russian language is a dangerous tendency. Error may eventually acquire the status of normativity, when the phenomenon fits into the language system, not contradict it. Non-obvious, hardly seen micro violations at various linguistic levels, as well as in borrowing (expansion and narrowing of word meaning) slightly distort the norm and often are not immediately recognized as an error.

Key words: language norm, erosion of language standards, errors, normativity, borrowed lexics, false friends of translator (*faux amis de traducteur*), expansion and narrowing of meaning.

Современное состояние русского языка характеризуется несколькими актуальными языковыми процессами, в частности:

- активизацией заимствования (в основном – из английского языка) на всех языковых уровнях;
- стилистическим снижением, вульгаризацией и «криминализацией» языка;
- упрощением семантической структуры слов, обеднением лексического состава языка и словарного запаса большинства носителей языка;
- массовой терминологической неологизацией в новых видах деятельности и новых направлениях науки и техники, многие из которых связаны с постепенным размыванием ядра литературного языка – языковой нормы.

«Третья культура очень сильно «размывает» строгую норму, присущую литературному языку, и в результате мы отмечаем проникновение ненормативных вари-

антов в широкую общественную речевую практику» [3, с.79].

На первом этапе сложного и длительного процесса становления нормы отмечается новое явление, естественным образом воспринимаемое и трактуемое как ошибка того или иного типа. Просторечие как «наиболее русская» языковая подсистема, специфичная для русского национального языка» [1, с.53], является отчасти источником потенциальной нормы, которая далеко не всегда и не во всех случаях оказывается реализованной. Вполне естественно, что редкое отступление от нормы, т.е. ошибка, приобретает впоследствии статус нормативности, однако в тех случаях, когда явление вписывается в языковую систему, не противоречит ей, нормализация его становится возможной.

Нарушения нормы, в том числе семантические и фонетические сдвиги и другие разнообразные изменения, могут происходить на макроуровне (восприниматься всеми

грамотными носителями литературного языка в качестве ошибок); однако возможны неочевидные нарушения на микроуровне, незначительно искажающие норму и не сразу распознаваемые в качестве ошибок.

Тем не менее, несмотря на свою неочевидность, эти отступления также нарушают языковую экологию, размывают само понятие языковой нормы, ставя под сомнение её необходимость и устойчивость, и в то же время они весьма частотны, что, несомненно, свидетельствует о стабильности процесса, обусловленного объективными причинами общекультурного порядка.

К фонетическим нарушениям подобного типа можно отнести расшатывание системности в области консонантизма, вокализма и акцентологии:

- нейтрализация оппозиции по звонкости-глухости: *асВальт, *винегреДик, *крыЖечка, *сВера; *дивиденТы, в *гардероПе, *слаТенький, *юПочка;

- нейтрализация в ударном положении оппозиции А-О: *бОику, *обезбАливающее;

- удлинение гласного по аналогии со сходно звучащими словами: *кООрдинальнЫй вместо кардинальнЫй (провоцируется паронимично звучащими координация, координировать);

- неправомерные аналогии, например произнесение суффиксальной части причастных форм по аналогии с произнесением суффиксов форм превосходной степени прилагательных: *близлежайШИЙ, *ненадлежайШИЙ;

- ненормативное ударение (обеспечЕние), в том числе перенос ударения в падежных формах существительного на окончание: центральная площадь ДжерашА (вместо ДжерАша – об античном городе); курение в тамбурАх вагонов (вместо в тАмбурах).

Среди микроуровневых изменений следует также отметить грамматические и стилистические сдвиги, в частности частотность разговорно-просторечных грамматических вариантов, переводящая их в разряд потенциальной нормы: бухгалтерА, инспекторА, секторА, кофе (ср. род).

Большинство приведённых примеров, безусловно, следует отнести к просторечию,

особенно сдвиг ударения, который демонстрирует тенденцию к языковому снижению, характерную для последних лет.

Трансформация нормативности в виде трудно фиксируемых микроявлений отмечается и на лексическом уровне. В сфере заимствованной лексики это незначительные семантические сдвиги – расширение и сужение значения. Так, в результате смешения паронимов частотным стало ненормативное употребление слова *консервация* в значении «консервирование (процесс)» и «консервы (результат процесса)» (нормативно – «действие от одного из значений глагола», не подразумевающее изготовление консервов [5, т.2, с.91], например, *временная консервация реставрируемого архитектурного объекта*).

Ненормативным в последние годы стало употребление глагола *шокировать* в значении *потрясать/потрясти* (под влиянием значения существительного *шок* и глагольного словосочетания *испытать шок*), в то время как нормативное значение его намного уже – *ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия* [5, т.4, с.725]. Ср.: [*оркестр*] шокировал публику *мариинских «Звезд белых ночей» высоким классом игры, убийство ребёнка шокировало жителей небольшого городка, шокирующее преступление (убит ребёнок), (мы увидим) шокирующие кадры*. Частотность подобного употребления свидетельствует о потенциальной возможности утверждения данного значения в качестве нормативного, шансы на это весьма высоки, однако всего лишь в некоем отдалённом будущем, в настоящее время оно, безусловно, не может трактоваться как нормативное и относится к просторечию.

«Ложные друзья переводчика», чьё звучание приближено к звучанию их русских межъязыковых паронимов, не обнаруживают смысловых различий при первом знакомстве с ними. Например, существительное *эксперт* в русском языке имеет значения: 1. *Специалист, дающий заключение при рассмотрении какого-либо вопроса*; 2. *юр. Лицо, обладающее специальными зна-*

ниями и привлекаемое органами расследования, суда и иными государственными и общественными органами для проведения экспертиз [5, т.4, с.751], а в английском существительное *expert* обозначает специалиста, знатока вообще, любого профиля, вне зависимости от рода занятий, в том числе и проводящего экспертизу: «специалист, эксперт, знаток, умелец, искусник» [4, т.1, с.832], что говорит лишь о частичном совпадении объёмов значения межъязыковых паронимов, т.е. об их неидентичности.

Влияние английского языка в данном случае представляется бесспорным, поскольку в последнее время отмечается употребление русского слова *эксперт* и его производных *экспертиза*, *экспертный*, *экспертно* именно в значениях, присущих не русскому, а английскому языку; довольно часто оно встречается в телевизионной рекламе: *эксперт среди красок*; *эксперт в лечении боли*; (средство) *оставляет туалет экспертно чистым, во всём, что касается безопасности вашего малыша, вы настоящий эксперт*; *мой нос – настоящий эксперт в мире запахов*.

Продемонстрировать этот сдвиг в семантике (сужение значения) может пример из учебника по связям с общественностью: «Практика *Corporate and Public Affairs* обладает большим опытом публичного позиционирования крупнейших российских и зарубежных компаний. Специалисты практики имеют уникальную экспертизу в области b2b-коммуникаций» [2].

Стабильно фиксируется расширение значения единиц и вытеснение ими имеющихся в языке единиц, например, *проект* в значении «программа, в том числе телевизионная»: *участвовать в проекте, закрыть проект, у нас на проекте*. МАС приводит такие его значения: «1. Разработанный план сооружения, постройки, изготовления или реконструкции чего-либо; 2. Предварительный, предположительный текст какого-либо документа; 3. План, замысел» [5, т.3, с.751], в которых несомненен семантический компонент «предварительность, запланированность, отнесённость к будущему», отсутствующий в описываемых примерах современного употребления.

На микроуровне в сфере заимствованной лексики также отмечается тенденция к аналитизму, в частности несклоняемость существительных, как правило, в наименованиях брендов, оформленных средствами латинской графики или аббревиатурах: (*всё больше людей говорят*) *GO с VISA*; *путешествуй с Coca-Cola*; *не ели Activia*, *уехали в «Икеа»*, *стирайте с «Ариэль»*, причем в разговорном стиле эти существительные имеют грамматический род (в зависимости от возможности отнесения их к тому или иному роду – на *-а/-я* или на согласный) и, безусловно, склоняются (*с «Визой»*, *«Кока-Колой»*, *«Активию»*, *в «Икею»*, *с «Ариэлем»*).

Установление языкового статуса речевой единицы влечет за собой определенные последствия, например, возможна нейтрализация коннотации, которая перестаёт быть очевидной для носителей языка, что происходит порой с игровыми формами языка, например шутливыми фразами, которые могут стать нейтральными, потеряв производимое ими ощущение нелепости (*две большие разницы* в значении «большая разница»).

Возможности осуществления данных изменений могут способствовать определенные обстоятельства лингвистического характера. Например, закреплению в языке абсурдного с точки зрения языка и здравого смысла выражения *имеет место быть* (контаминация бытийного глагола *быть* и словосочетания с официальной окраской *имеет место*) способствовало отсутствие в современном русском языке форм настоящего времени глагола *быть*.

Последний из описанных случаев демонстрирует общую постмодернистскую тенденцию к нарушению правил, логики, разрушению системности, деформации формы, в том числе пренебрежительного отношения, невнимания к нормативности речи, что отвечает наметившемуся повороту общества к отрицанию нормативности в целом.

Сказанное не означает, что любые подобные явления могут привести к серьёзным изменениям в сфере нормативности. Так, частотное (под влиянием привычного произношения других слов) произнесение **гастробайтер* вместо нормативного *гастарбайтер* вряд ли приведёт к изменению нормы.

Несущественные, на первый взгляд, изменения могут накапливаться, постепенно превращаясь в явления, которые язык активно воспримет, если они отвечают системности, тогда их шансы на приобретение статуса нормативности высоки, но если они временны и продиктованы ображениями моды, равнодушия, невнимания, то их существование становится препятствием, тормозом развития языка. Это, безусловно, относится как к масштабным языковым явлениям, так и к фактам микроуровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов В.И.* Социоллингвистика: Учебник для вузов / В.И.Беликов, Л.П.Крысин. М., 2001.
2. *Королько В.Г.* Основы Паблик рилейшнз. Киев, 2000. Доступ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/korol/

3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.

4. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общ. рук. Э.М.Медниковой и Ю.Д.Апресяна. М., 1993. Т.1. А-Ф.

5. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984. Т.2. К-О. 1983. Т.4. С-Я. 1984. Т.3. П-Р, 1984.

REFERENCES

1. *Belykov V.I., Krysin L.P.* Sociolinguistic: A Textbook for universities. Moscow, 2001.

2. *Korolko V.G.* Basics of Public Relations. Kiev, 2000. web access http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/korol/

3. *Maslova V.A.* Linguistic culturology: textbook for students of higher educational institutions. Moscow, 2001.

4. New Large English-Russian Dictionary: In 3 vols. / under total leadership of E.M.Mednikova and Yu.D.Apresian. Moscow, 1993. V.1.A-F.

5. Russian Language Dictionary: In 4 Vols. / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian lang. Ed. A.P.Evgenyeva. 2 ed., corr. and add. Moscow, 1981-1984. V.2, 1983. V.4, 1984. V.3, 1984.